

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ, МЕХАНИЗМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И ТРИ СЦЕНАРИЯ ГЛОБАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

Н. С. Розов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт философии и права СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8
nrozov@gmail.com

Многополярность современного мира не исключает ни гегемонию, ни лидерства, а также складывания коалиций, которые при обострении конфликтов могут вернуть эпоху биполярности. Центрами притяжения обычно называют США и Китай. Нынешний период трактуется как «затяжная турбулентность». Завершится ли она сломом прежних порядков с посткризисным установлением новых, зависит от результатов сложного взаимодействия трендов, идей, влиятельных общественных и политических движений и государств. Наряду с такими типами исторической динамики, как «Лифт» (контуры роста, расцвета) и «Колодец» (контуры деградации и распада), выделены инерционный, негативный (конфронтационный) и позитивный (реформистский) сценарии. Определены условия, влияющие на вероятность их реализации.

Ключевые слова: многополярность, биполярность, турбулентность, историческая динамика, мегатенденции, глобальные сценарии, социальные порядки.

Смысл актуальных событий скрыт в «тумане настоящего», поскольку значимость каждого элемента идущих процессов принципиально не известна до их завершения. Обилие статистики, «больших данных», подходов, моделей, парадигм не столько проясняет, сколько еще больше затрудняет понимание происходящего.

Что можно в реальной ситуации сделать, так это представить основные гипотезы и сценарии с помощью ранее использованных и показавших свою продуктивность средств структурирования истории [1; 2; 3, с. 78–133, 304–354], раскрыв механизмы исторической динамики, проанализировав мегатенденции мирового развития [4, с. 23–40], выделив долгие геополитические циклы гегемонии [5] и периоды турбулентности с войнами, революционными волнами, а также времена относительной стабильности [6; 7, 8].

Волны революций и множественные войны, а также кризисы в разных сферах позволяют говорить о более чем 30-летнем периоде турбулентности. Укажем на войны в Афганистане, Сирии, Ливии, Йомене, глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., на «Арабскую весну», «цветные революции» (Сербия, Грузия, Украина, Ливан, Беларусь, Мьянма, Молдова, Иран), движение «Оккупай» (США, Испания, Канада, Израиль, Португалия, Греция, Австралия, Великобритания, Россия), «Болотные» протесты в России, восстания против гибридных режимов (Таиланд, Украина, Босния, Венесуэла, Турция, Тунис, Египет), присоединение Крыма и военные действия на Донбассе, выход Великобритании из ЕС, миграционный кризис в Европе, погромы 2020 г. и опасную политическую поляризацию в «единственной сверхдержаве» – США, торговые войны, начатые США с Китаем и Европой, шок от пандемии ковида 2020–2021 гг. Ко всему этому теперь добавляются угрозы, связанные с Тайванем, и широкомасштабные военные действия на Украине с консолидацией поддерживающих Киев западных держав.

Во многих странах не утихают классовые, расовые, межэтнические конфликты, они влияют друг на друга, однако после Арабской весны 2011–2012 гг. не было столь масштабных революционных волн. Революции и войны, хоть и переходят друг в друга, как обычно [6; 8], но не перерастают в «большой пожар» мирового или континентального масштаба, как в турбулентные периоды Реформации, череды социально-политических сдвигов, начатых Американской и Французской революциями, последующих Наполеоновских войн и «Весны народов» [7].

В настоящее же время в мире не снижается напряженность, но нет и ее явного роста, неостановимой эскалации международных конфликтов, в том числе военных. Нет и явной их эскалации. Напротив, предпринимаются активные усилия влиятельных субъектов мирового процесса (ведущие страны Запада, Китай, Индия) с целью не допустить расширения зоны напряжения. Пока что не видно явных победителей и побежденных. Нет драматического слома порядков и мировоззрений, хотя и те, и другие переживают нелегкие времена. Происходящее, мягко говоря, не радует, но пока что «все под контролем».

Относительно низкий уровень разрушений обуславливает малую скорость истощения конфликтующих сторон, блокирует возможности какой-либо яркой победы, после которой триумфальная коалиция установила бы новый внешнеполитический порядок и образцы внутренних устройств обществ [5].

Указанные черты дают основания квалифицировать актуальный период как «вялую турбулентность». Однако та же Арабская весна,

массовые беспорядки в США и Франции, масштабные военные события в Сирии, Ливии, Йемене, на Украине заставляют поставить вопрос о пределах этой «вялости». По аналогии с «затяжной войной» более правильно характеризовать последние три десятилетия (начиная с тектонических сдвигов 1989–1993 гг.) как «затяжную турбулентность»: надежной стабильности с «правилами игры» нет, но также нет убедительного экономического, культурного подъема (если не считать прогресса в информационных технологиях), нет мировой войны или глубокого кризиса, влекущего за собой смену глобального порядка.

Чего ожидать от такого периода? Просматриваются три сценария глобального будущего. Представим их в крайней форме, как «идеальные типы».

Инерционный сценарий: все так и будет длиться 2–3 или более десятилетий. В это время акторы мировой политики будут накачивать мускулы, конфликтовать, иногда воевать, но без масштабного обрушения сложившихся порядков и без существенного успокоения.

Негативный (конфронтационный) сценарий. Напряжения будут усиливаться, кризисы и конфликты приведут к образованию контура положительной обратной связи между трендами агрессии и деградации (мегатенденция «Колодец» [4, 29–37]). Горячие войны и волны революций выйдут из-под контроля, что чревато мировой и/или даже ядерной войной. Победители (или сильнейшие среди оставшиеся в живых) навязнут остальным новый порядок, удобный для себя, но дискомфортный для остальных. Этот вариант сопоставим с переходом от фазы «Глобальная война» к фазе «Мировая держава» в концепции долгих циклов гегемонии [5], а также с «решающей войной», последующим «упрощением» территориального контроля в теории геополитической динамики [3, с. 81–89]. Мятежи и революции, даже с участием широких масс, приведут не большому равенству прав и росту защищенности граждан, а к усилению государственного контроля над обществом, причем под разными идеологическими и/или религиозными лозунгами. Будут преобладать тренды контрмодернизации, особенно в аспектах авторитарного отката, десекуляризации (в форме поддерживаемого репрессивными режимами религиозного фундаментализма), огосударствления экономики, бюрократизации, ориентированной не на право, а на власть и иерархию [3, с. 264–293].

Позитивный (реформистский) сценарий. Повысится спрос на идеи, стратегии установления более мирного и безопасного мирового порядка со снижением напряжения, остроты конфликтов, усилится тенденция к их мирному разрешению [3, 70–77]. Эти идеи, общественные и политические движения войдут между собой в синергию, образуя контуры

положительной обратной связи, но уже между трендами роста (мегатенденция «Лифт» [4, с. 32–37]), что позволит шаг за шагом устанавливать новые правила, одновременно ограничивая и задабривая тех сильных игроков, кому они не выгодны. В концепции долгих циклов гегемонии [5] этот вариант соответствует фазе «Мировая держава», но в самом мягком виде, когда правила не навязываются гегемоном посредством силы, но устанавливаются коллегиально с учетом интересов слабейших. Структура международных отношений ближе к многополярности («фазе фрагментации» [3, с. 87–88]) при добровольном подчинении каждого государства авторитету международного права. Доминирующая коалиция с лидером во главе выполняет функции поддержания порядка и безопасности, не использует свою мощь в эгоистических интересах, поскольку любые воинственные авантюры делегитимируют агрессора. Мятежи и революции крайне редки, поскольку политические режимы в своей внутренней политике также ограничены правовыми рамками, что позволяет разрешать конфликты через общественные дискуссии, судебные процессы и смену власти по результатам выборов [7]. Если же революции все же происходят и побеждают, то новые, постреволюционные режимы для своей легализации на внешней арене вынуждены соответствовать базовым демократическим и правовым стандартам [9]. Соответственно будут преобладать тренды модернизации, особенно в аспектах демократизации, секуляризации (расширения свободы совести), роста экономической свободы, защищенности собственности, демонополизации [3, с. 264–293]. Центральная бюрократия, административная иерархия в каждом государстве при этом становится подчиненной праву, эффективной и небольшой, поскольку многие функции передаются на нижние уровни местного самоуправления (субсидиарность), а также частному бизнесу, общественным движениям и волонтерам. Вероятен подъем лидеров на новую ступень социальной эволюции (на новую фазу развития [1, с. 222–305; 2; 10]), где удастся совместить социальную защищенность с экономической эффективностью, прогрессом технологий и культурным расцветом.

Какой из этих сценариев более вероятны?

Прискорбно, что позитивный, мирный, реформистский сценарий наименее вероятен в нынешних обстоятельствах (хотя через десятилетия они могут измениться). Такое предположение основано на следующих соображениях.

Авторитарные режимы и лидеры со скрытыми или явными агрессивными намерениями вовне, с внутренними репрессиями освоили рыночную экономику, они сильны и ресурсно обеспечены. Одни

достигают этого благодаря напряженному труду миллионов, другие – за счет экспорта природного сырья. Такие режимы активно объединяются между собой и вступают в союз с «обиженными» («развивающимися»), например, в рамках Шанхайского соглашения, расширенного БРИКС и т. п.

При этом Западный мир, особенно его лидеры – США и ЕС – испытывают не лучшие времена из-за расколов, внутренних неурядиц. Многие западные аналитики констатируют факт эрозии демократии, роста социальных и культурных разрывов, усиления отчуждения, повышения опасности новых подъемов популизма под разными флагами. Главные атаки идут «слева»: против капитализма и рынка, против свободы слова (т. н. гиперполиткорректность). В связи с наплывом иммигрантов поднимают голову правые радикалы.

Растут обиды «остального мира» (глобального Юга и не только) на «золотой миллиард». Судя по всему, наибольшее раздражение вызывают надменность и произвол во внешней политике США, скрываемые, но вполне ощутимые двойные стандарты ЕС. Можно говорить о широком и закономерном распространении антиамериканизма и антизападничества, что парадоксальным образом сочетается с усилением притока иммигрантов.

Левых и правых радикалов, подрывающих основы Западной цивилизации, поддерживают извне ненавистники Запада, движимые постимперским и/или религиозно-фундаменталистским ресентиментом.

Вряд можно расценивать ответы коалиции западных держав (когда они вообще распознаваемы как осознанные стратегии) как адекватные. Нередко они направлены на подавление, компенсацию симптомов без преодоления и нейтрализации природы недугов [4, с. 24–26].

Во внутренней политике расширяются практики «позитивной дискриминации», что никак не способствует преодолению расизма. Усиливаются движения даже за социализм с принудительным этатистским перераспределением, что неизбежно ведет к опасной бюрократизации.

Во внешней политике Запада, особенно США, наблюдаются метания от авантюрных планов «экспорта демократии» (с удручающими политическими итогами 2-й Иракской войны, бесславным бегством от талибов, захвативших Афганистан) до явного попустительства репрессивным и агрессивным режимам.

Таким образом, приходится признать, что более вероятным пока что является негативный (конфронтационный) сценарий.

Если продолжатся процессы ослабления и самоподрыва Запада, если агрессивные аппетиты авторитарных режимов усилятся, если «униженные

и оскорбленные» в беднейших странах Азии, Африки и Южной Америки преисполняются отчаянием и проникнутся радикальными идеями, то к войнам прибавятся расширяющиеся революционные пожары [7; 8]. Тут уже эскалацию массового насилия не получится удержать (как ее удерживают и локализуют сейчас).

Все же остается надежда избежать реализации самых мрачных прогнозов. Мирная международная торговля и сейчас для многих (полу)авторитарных режимов, в том числе для таких, которые существуют в Китае, Турции, Египте, Саудовской Аравии, выгоднее, чем большая война, тем более отягощенная мятежами и революциями. На обозримое время наиболее вероятен инерционный сценарий с сосуществованием и борьбой обеих мегатенденций (контуров положительных обратных связей между трендами), с противостоянием западной и антизападной коалиций.

Гражданские движения, выступающие за общие правила, за права и свободы, за мир и демократию [11], остаются в меньшинстве и безвестности. Например, до появления книги А. Н. Медушевского [12] многие ли знали в России про идеи глобального конституционализма? В статье «Возможно ли верховенство права в геополитике?» [13] рассмотрены трудности и перспективы установления международных правил для мирного партнерства и честной конкуренции, предполагающего взаимное «связывание» обязательствами, ограничение суверенитета, причем не только авторитарных режимов, но и «лидеров свободного мира» (на что они вовсе не готовы).

Обратимся к глубинной природе главных препятствий для осуществления позитивного (реформистского) сценария с неуклонным связыванием акторов мировой политики правилами мирного сосуществования и партнерства.

Согласно веберианской парадигме [3; с. 14] правовой порядок понимается как *комплекс структур, которые обеспечивают, прежде всего, потребности учредителей этого порядка*. В эти структуры входят законы, социальные институты, организации по их имплементации, правовая культура как часть менталитета участников взаимодействия.

В национальном праве таковыми являются основные законодательные органы, или легислатуры (парламенты при демократии). При любой модели развития международного права, наряду с необходимым участием правоведов-международников и чиновников международных организаций (типа ООН), главными учредителями будут акторы мировой политики, читай, правящие элиты наиболее сильных и влиятельных государств.

Кроме того, создание и функционирование любой структуры, тем более регулирующей инстанции с эффективными рычагами контроля и

воздействия, всегда ведет к *издержкам* – напряжениям, угрозам или даже ущербу, в том числе даже для тех, кто эту структуру создавал и поддерживает [15, с. 103–106].

Заботы правящих элит всегда были и будут связаны, прежде всего, с сохранением, повышением своего престижа и легитимности, политических позиций на внутренней и внешней арене, безопасности и могущества, национального экономического роста и повышения своего собственного благосостояния [3; 14; 16]. Все эти интересы имеют прямое отношение к таким материям, как *суверенитет и (не)связанность международными обязательствами*.

Таким образом, главная задача состоит в сдвиге глубинных интересов мировых элит, контролирующих политику влиятельных государств (в первую очередь, членов G-7, Китая, Индии, России, Турции, Бразилии, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ) и региональных союзов (как ЕС, Организация Американских Государств – ОАГ и др.), в направлении к глобальному правовому порядку [13].

Как сказано выше, эти интересы традиционно и за редчайшими исключениями связаны с сохранением, укреплением национального суверенитета и могущества, что делает перспективы подчинения каким-либо нормам глобального конституционализма, мягко говоря, сомнительными. Мировой правовой порядок никому не сулит ни роста могущества, ни гарантированного обогащения. В плане безопасности сильнейшие державы привыкли полагаться на свои вооруженные силы и включенность в оборонительные союзы [5; 6]. Слабые и уязвимые для внешней агрессии государства действительно объективно заинтересованы в связывающей роли международного правового порядка, но их влияние на ход мировых процессов минимально, а при угрозах безопасности они апеллируют к защите со стороны союзников – тех же сильнейших держав.

Высвечивается магистральный путь: связать видимые конституционалистам достоинства мирового правового порядка в геополитике, экологии, антитеррористической борьбе, преодолении голода, эпидемий и т. п. – с *престижем и легитимностью главных акторов мировой политики*, прежде всего, правящих национальных элит ведущих мировых держав. Их заинтересованность в участии в учреждении такого порядка должна *существенно превосходить их же потери, издержки, угрозы, связанные с неизбежным ограничением суверенитета*. Учтем, что суверенитет как свобода действий внутри своей страны и на мировой арене до сих пор остается «священной коровой» не только автократий, но и «образцовых» консолидированных демократий, таких как США, Соединенное Королевство или Франция.

Особенно высокий барьер для неизбежных ограничений суверенитета со стороны любого внешнего правового порядка связан с широко распространенными антизападническими и антилиберальными настроениями «глобального Юга», а также стран с авторитарными режимами.

Как считает А.Н. Медушевский, «под сомнение поставлена идея об универсальной применимости рекомендаций глобального конституционализма для всех регионов мира. Западный подход основан на определенном типе культуры, которая отсутствует (и не воспринимается) в других регионах. Данный круг идей опирается в Европе на античное наследие и христианство с его идеей индивидуального спасения – определяет либеральные ценности прав человека. Однако этот подход, считают критики, противоречит взгляду традиционных обществ Азии и Африки, где человек рассматривается не с позиций автономии и индивидуализма, а как интегральный член группы, объединенной духом солидарности (в обществе, общине или племени). Определяющей ценностью для стран этих регионов выступает не гражданское общество, а община – вообще сообщество (community), где права человека рассматриваются в лучшем случае как второстепенная ценность» [12, с. 97–98].

Являются ли права и свободы человека, например, те, что заявлены в основополагающих документах ООН, действительно универсальными? Либо это сугубо западническое орудие пропаганды, неокOLONиального доминирования, навязывания западными державами своих порядков, некий «тройский конь», используемый для подрыва традиционных ценностей, самобытной религии и культуры, политического суверенитета незападных стран? Так стоит вопрос.

Трудно представить, что в идейных основах предполагаемого будущего глобального правового порядка не будут заложены принципы защиты человека, его неотъемлемых прав и свобод. Действительно, зачем даже рассуждать о «правовых порядках», допускающих геноцид и этноцид, агрессивные войны, рабство и работорговлю, пытки, изнасилования, членовредительство, бессудные репрессии, убийства, массовые депортации?

Немного найдется стран, правители и элиты которых будут открыто настаивать на необходимости и оправданности таких практик или разрешать их на подведомственных территориях (даже если такие явления имеют место и не пресекаются). Ради поддержания приличий и достоинства на международной арене, вполне можно говорить, хотя бы на уровне публичного дискурса, о продвижении к гуманности [11; 12], к тому, что ранее называлось «моральным прогрессом» и «смягчением нравов».

Такие соображения подсказывают принципиальный путь преодоления, указанного выше барьера. Следует меньше говорить в терминах «высших ценностей», перестать настаивать на их «универсальности». *Мировой правовой порядок предназначен не для того, чтобы устроить некий «рай на земле», а прежде всего для того, чтобы не допустить ада.* Несмотря на культурные, религиозные и политические различия, все представители элит и широких народных масс хотят быть защищенными от нелегитимного насилия, унижения, порабощения, тем более истребления [11; 16]. Правовые нормы, имеющие наибольшие шансы быть принятыми самыми разными режимами, народами, цивилизациями, относятся именно к соответствующим запретам [13].

Любой запрет, нарушителю которого не грозят неминуемые соразмерные наказанию санкции, имеет уже не правовой характер, превращается в благонамеренное моральное увещание. Поэтому необходимо обсуждать не только и не столько высокие идеалы будущего торжества права и пути его достижения, сколько более приземленные вопросы обеспечения самых насущных норм, препятствующих «аду на земле» для кого-либо из ныне живущих и будущих поколений.

Список литературы

1. Структуры истории. Альманах «Время мира». Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 001. 520 с.
2. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. / Изд. 2-е, испр. М.: КомКнига. 2007. 384 с.
3. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.
4. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
5. Модельски Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия В кн.: Война и геополитика. Альманах «Время мира», вып. 3. Новосибирск: НГУ. 2003. С. 455-485.
6. Война и геополитика. Альманах «Время мира», вып. 3. Новосибирск: НГУ. 2003. 571 с.
7. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. Революционные волны в ритмах глобальной модернизации. М.: URSS, 2019. 408 с.
8. Goldstone, J.A., Grinin, L., Korotayev A. (eds). Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Springer Nature Switzerland, 2022. 1061 p.
9. Розов Н.С. Принципы и критерии легитимности постреволюционной власти // Полис. Политические исследования, 2014. № 5. С. 90–107.
10. Коротаев А. В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2006. 287 с.
11. Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма. М.: Российское гуманистическое общество, 2002. 222 с.
12. Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. М.: Директ-Медиа, 2023. 691 с.

13. *Розов Н. С.* Возможно ли верховенство права в геополитике? // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 159–172.
14. Манн *М.* Источники социальной власти. Том 1. М.: Дело, 2018. 760 с.
15. *Stinchcombe A.* Constructing Social Theories. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1987. 303 p.
16. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М: Издательство Института Гайдара, 2011. 480 с.

MULTIPOLARITY, MECHANISMS OF HISTORICAL DYNAMICS, AND THREE SCENARIOS OF GLOBAL FUTURE

Nikolai S. Rozov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
8, Nikolayeva St., Novosibirsk, 630090, Russia

The multipolarity of the modern world does not exclude hegemony with leadership, as well as the formation of coalitions, which in case of aggravation of conflicts can return the era of bipolarity. The centers of gravity are usually called the United States and China. The current period is interpreted as “prolonged turbulence”. Whether it will end with the breakdown of previous orders and the post-crisis establishment of new ones depends on the results of the complex interaction of trends, ideas, influential social and political movements and in international interaction. Along with the types of historical dynamics “Lift” (contours of growth, prosperity) and “Well” (contours of degradation and disintegration), inertial, negative-confrontational and positive-reformist scenarios are identified. The conditions influencing the probabilities of their realization are defined.

Keywords: multipolarity, bipolarity, turbulence, historical dynamics, megatrends, global scenarios, social orders.